

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-6-11
УДК 32(045)

Куда приведут технологии? Выбор между цифровой полиархией, цифровым авторитаризмом и цифровой анархией*

К.В. Симонов

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-8693-3132>

АННОТАЦИЯ

Одной из ключевых проблем политической науки является баланс между гражданским обществом и государством. Вопрос в том, какой фактор может его в наибольшей степени изменить. Сегодня им вполне может оказаться развитие технологий, которые дают преимущества и государству, и обществу. Государство с их помощью получает возможность контролировать граждан: их перемещения, поисковые запросы, просмотренный контент и финансовые траты. Но и общество «вооружается» новыми формами контроля за государством, а также активно внедряется в систему подготовки и принятия политических решений. Появились новые способы коммуникации, возник феномен гражданской журналистики, соцсети стали трансляторами общественных настроений и элементами гражданского контроля. Общество требует также трансформации капитализма, настаивая на том, чтобы бизнес исходил из приоритета общественных ценностей, а не прибыли.

Ключевые слова: цифровая полиархия; цифровой авторитаризм; цифровая анархия; гражданская журналистика; uber-государство; структурное насилие

Для цитирования: Симонов К.В. Куда приведут технологии? Выбор между цифровой полиархией, цифровым авторитаризмом и цифровой анархией. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(6):6-11. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-6-11

ORIGINAL PAPER

Where Will Technology Take Us? Choosing Between Digital Polyarchy, Digital Authoritarianism, and Digital Anarchy**

K.V. Simonov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-8693-3132>

ABSTRACT

One of the crucial problems of political science is the balance between civil society and the state. But we must analyze which factor can change it. Today it becomes technology development. New technologies give advantages to the state and society at the same time. The state gets an opportunity to control citizens: their movements, viewed internet content, purchases. However, society also has new forms of control over the state too. Citizens are embedded in the decision-making system. We see new methods of communication, the phenomenon of citizen journalism. Social networks are becoming transmitters of public sentiment and elements of civil control. The society also forms a requirement of the transformation of capitalism, insisting that business must proceed from the priority of social values but not of profit but. **Keywords:** Digital polyarchy; digital authoritarianism; digital anarchy; citizen journalism; uber-state; structural violence

For citation: Simonov K.V. Where will technology take? Choosing between digital polyarchy, digital authoritarianism, and digital anarchy. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(6):6-11. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-6-6-11

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on a state order to the Financial University.

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ГОСУДАРСТВА: ЦИФРОВОЙ АВТОРИТАРИЗМ НА ЗАПАДЕ И ВОСТОКЕ

Влияние технического прогресса на общественные отношения и политические институты всегда являлось одной из значимых тем для интеллектуальных размышлений. Но сегодня этот сюжет выходит на одно из первых мест в обсуждении направления будущих социальных трансформаций. Речь идет не просто о техническом прогрессе, а о новой технической революции, которая радикально изменит отношения между обществом и государством. Поэтому социальные изменения под влиянием технологических прорывов становятся одним из приоритетов в политологических исследованиях.

В социальных науках можно встретить мнение о двух парадигмах отношений государства и гражданского общества, идущие от Джона Локка (L-парадигма) и Шарля Монтескье (M-парадигма) [1]. Сторонники первой считают государство первостепенным и направляющим. Сторонники второй утверждают, что именно гражданское общество способствует позитивным социальным изменениям, в том числе, через давление на государство.

В крайней форме ни государство не нуждается в гражданском обществе, ни гражданское общество — в государстве. Каждое из них воспринимает своего оппонента как неизбежное зло, с существованием которого приходится соглашаться. Однако если какая-то из сторон получит существенное преимущество, ситуация может радикально измениться. Баланс довольно хрупок, и триггером его разрушения вполне могут стать новые технологии, в том числе цифровые. Основная интрига состоит в том, что технический прогресс дает новые инструменты и государству, и гражданскому обществу. А ключевой вопрос — кто же из них получит больше преимуществ.

Сначала посмотрим на возможности, которые получает государство. Мы наблюдаем бурное развитие технологий контроля над личностью: системы распознавания лиц, массово устанавливаемые камеры наблюдения, анализ соцсетей и поисковых запросов. Государство получает колоссальные возможности по сбору и хранению информации о человеке: где он бывает, что он покупает, какую информацию он потребляет и распространяет. Развитие систем видеонаблюдения под предлогом борьбы за безопасность, наступление на наличные денежные расчеты,

мониторинг поисковых запросов и публикаций в социальных сетях — все это проявление данного тренда.

Западные авторы считают, что современные информационно-коммуникационные технологии существенно укрепляют позиции восточных авторитарных режимов. Однако цифровой авторитаризм вовсе не является восточным феноменом, эти тенденции мы наблюдаем и в странах западного мира. Свобода личности становится условным понятием, хотя его и пытаются законодательно защитить, прежде всего в ЕС. Но при этом именно в западных странах все чаще запускаются проекты по сбору информации о гражданах. Скажем, в США существует проект Агентства национальной безопасности PRISM, в участии в котором подозревается известная социальная сеть Facebook. Благодаря программе PRISM спецслужбы могут без ордера и суда получать закрытую информацию о пользователях, их аудио- и видеофайлы, фото, сообщения электронной почты и электронные документы, а также узнавать местонахождение пользователей и списки их контактов [2].

Отсюда и возникают идеи, которые можно назвать «цифровой авторитаризм» — авторитаризм, построенный на больших данных и новых технических решениях. И это уже не просто научно-политическая цифровая антиутопия — Китай пытается построить такую систему на практике. Она известна под названием «социальный рейтинг», когда каждое значимое действие благодаря видеофиксации оценивается на предмет пользы или вреда для общества (но в реальности — для государства). Имеющий низкий рейтинг отсекается от получения услуг вроде приобретения билетов на транспорт.

Важно, что создатели такого цифрового авторитаризма рассматривают его не просто как «всевидящее око» нового государства, вооруженного технологическими новинками, фактически уничтожающими личные свободы и неприкосновенность личность жизни. Они предлагают позитивную трактовку этого явления, считая, что новое государство по схеме «сверху — вниз» включает в общественный и социальный прогресс отдельные группы граждан. Это обеспечивает и экономический рост, и вовлечение в страновой успех аутсайдерские, отстающие группы. Социальный рейтинг трактуется как новый социальный лифт, как возможность для граждан получить доступ к общественным благам. Это

новая трактовка инклюзивного экономического роста именно через государственный контроль над действиями граждан, базирующийся на новых технологических возможностях.

Коронавирус придал этому тренду новое ускорение. Государство получило дополнительные аргументы в пользу цифрового контроля за гражданином, когда в политическую повестку на первое место вернулась не новая, в общем-то, дилемма — «свобода или безопасность». Последнюю и пытается обеспечить государство, активно применяя цифровые решения и большие данные: это система слежения за изоляцией больных, цифровые пропуска, контроль за соблюдением режима самоизоляции, цифровые отметки о посещении ресторанов и других общественных мест для дальнейшего получения информации о возможных контактах с инфицированными. Даже в западных государствах возник запрос на «возвращение государства»: от него требуют любыми способами прекратить пандемию, в том числе за счет ограничения политических и гражданских прав. Кроме того, есть очевидный запрос и на решение государством экономических проблем населения. Коронавирус формирует требование именно к государству — спасти общество в период пандемической беды. Оно должно найти деньги на качественную медицину, на разработку вакцин и лекарств, на субсидии малоимущим и лишенным работы в периоды самоизоляции.

ТЕХНОЛОГИИ НА СЛУЖБЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Однако технологии дают принципиально новые возможности и гражданскому обществу. Интересно, что Китай, подав пример построения цифрового авторитаризма, показал и его прямую противоположность — как технологии могут служить протесту гражданского общества против государства. Речь идет о многомесячных акциях протеста в Гонконге (при всех существенных оговорках, все же это территория КНР). Причем речь идет не просто о сопротивлении технологическим новациям (вроде использования масок для блокировки возможностей видеオフィкации), гораздо любопытнее применение технологических новинок самим обществом, прежде всего в области коммуникаций. Социальные сети и мессенджеры активно используются для организации мобильной протестной активности: собрать митинг на несколько десятков тысяч человек можно буквально за несколько часов.

Социальные сети становятся альтернативным источником информации и способом ее быстрой и эффективной доставки до потребителей.

Революция в области коммуникаций означает, что в обществе радикально меняется функция рекрутирования. Уходит монополия партийных машин, во многом обеспеченная доступом к «большим» СМИ. Развитие блоггинга дает возможность новым лидерам быстро «раскрутиться» с помощью технологий — социальные сети, серьезно меняющие функционирование традиционных СМИ. Технологии породили так называемую гражданскую журналистику, теперь практически каждый может стать журналистом — социальные сети создали огромное количество платформ для этого. Сегодня для доставки контента до читателя или зрителя уже не нужны газеты с большими тиражами или телеканалы с дорогими студиями. Блоггерство — очень низкокзатратная и технически крайне доступная сфера деятельности, и это важнейший сегмент современного развития гражданского общества.

Неудивительно, что в самых разных странах и регионах формируются новые протестные движения и появляется антиистеблишментная повестка. Возникают новые способы фаундрайзинга и финансирования протестов. Кроме того, если государство пытается контролировать при помощи новых технологий общество, то и общество при помощи тех же современных технических средств стремится, в свою очередь, контролировать чиновников. Возникают новые концепции доминирования гражданского общества. Мы предлагаем назвать их «цифровой полиархией».

В крайнем виде «гражданский технооптимизм» проявился в виде концепции uber-государства. Это такая модель государственного управления, в которой государство выступает в роли посредника между гражданином и государственными услугами, при этом гражданин имеет возможность контролировать ход процесса и оценивать качество. По сути, гражданин может «вызывать» государство как такси в той ситуации, когда государственные услуги ему понадобятся. В противном же случае он просто «не видит» государство.

Технологии теоретически позволяют вернуть в повестку даже тему прямой демократии. Раньше считалось, что прямая демократия невозможна по техническим причинам — сложно проводить постоянные референдумы в больших странах, если ты голосуешь при помощи печатных бюллетеней.

Сегодня же есть техническая возможность постоянно обращаться к обществу для выяснения его мнения. Пока технологии проходят обкатку на уровне электронного голосования, но это уже вопрос скорости технического прогресса. Гораздо более сложный вопрос: готово ли современное общество к таким принципиальным изменениям? Тем более что наблюдается рост числа манипуляций человеком при помощи тех же новых технологий. Мы вступили в эпоху фейковых новостей, сетевого манипулирования политическим поведением и цифрового популизма, который подразумевает вовлечение новых участников политического процесса через общение в социальных сетях и рассылку агитационных материалов в мессенджеры. Для применения цифрового популизма не нужны иерархические политические организации, он нацелен, прежде всего, на ситуативное участие в политическом процессе.

Цифровой популизм активно использует все те же социальные сети. Через них активно воспроизводится запрос на новые лица и новый курс, формируется и проводится антиистеблишментная политика, что приводит к кейсам, радикально ломающим современную политическую жизнь.

ЗАПРОС НА ТРАНСФОРМАЦИЮ БИЗНЕСА

Отдельный вопрос — о месте бизнеса в этих изменениях. Не стоит забывать, что именно он является создателем новых цифровых технологий. Но он не хотел бы оставаться пассивным наблюдателем, который только финансирует и изобретает технические решения, а потом смотрит, кто же ими воспользуется. Однако на этом пути возникают серьезные проблемы.

Бизнес традиционно рассматривается как часть гражданского общества. Но в последнее время его стали позиционировать как чуть ли не врага социума. Появилось также требование обновления отношений между собственниками бизнеса и обществом. Наиболее ярко это проявляется в новой «зеленой волне» и акценте на климатической тематике. Разгоняет тему гражданское общество, а затем, по его требованию, и многие государства.

Уже появились теории нового капитализма, запросы на смену приоритетов для предпринимательского сообщества: от получения прибыли — к широкому учету и созданию общественных ценностей, от доминирования интересов акционеров (shareholders) — к учету интересов всех заинтересованных групп (stakeholders). Идея

«капитализма для всех заинтересованных сторон» подкрепляется появлением новой экологической волны, развитием сюжета о социальной ответственности бизнеса, включая борьбу с различными формами неравенства и дискриминации. От бизнеса требуют учесть интересы социальных групп, которые признаются угнетаемыми и изолированными. Все это будет скоро оформлено в новых стандартах корпоративного управления — ESG (environmental, social, governance). Крупнейшие консалтинговые компании занимаются их активной разработкой, они же будут контролировать их внедрение¹. Новая социальная отчетность станет, возможно, даже более важной информацией для кредиторов и инвесторов, нежели финансовая и экономическая. Капитализация климатически и социально «правильных» компаний уже сегодня на порядок превышает этот показатель у корпораций с «неправильным» имиджем, что является серьезнейшим вызовом для бизнеса. Даже в США от серьезных политических фигур все чаще слышны лозунги, которые вполне можно назвать социалистическими. Бизнес подвергается жесткому давлению со стороны хорошо организованного общественного протеста, который в итоге результируется и в регуляторных решениях.

Требование трансформации капитализма возникло еще до пандемии. Согласно данным глобального опроса Edelman Trust Barometer 2020, 56% населения Земли считает, что капитализм сегодня создает человечеству больше проблем, нежели приносит пользы². И данные тенденции усиливаются из-за коронавируса. Оказалось, что рынок бессилён перед пандемией. Возможно, что и государственный капитализм будет восприниматься как еще одна альтернатива «дикому капитализму». Когда ставится вопрос выживания, требование свободы в экономике и расширения личных свобод в политике отходят на второй план.

Кроме того, новый тип безработицы требует регулирования именно со стороны государства. Если в начале XX в. в европейских странах от государства требовалось внедрение пенсионной системы и системы социальных гарантий работникам, то теперь говорится о необходимости управления

¹ ESG факторы в инвестировании. PWC, Бизнес-школа ИРБИС, июнь 2019. URL: <https://www.pwc.ru/ru/sustainability/assets/pwc-responsible-investment.pdf>.

² Edelman Trust Barometer 2020. URL: https://cdn2.hubspot.net/hubfs/440941/Trust%20Barometer%202020/2020%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report.pdf?utm_campaign=Global:%20Trust%20Barometer%202020&utm_source=Website.

безработицей. Скажем, идея четырехдневной рабочей недели теперь уже не свидетельство того, что страны ОЭСР разбогатели настолько, что могут себе это позволить, а признание факта, что работы просто не хватает и нужно попытаться имеющую занятость максимально распределить на всех (в том числе, вводя ограничения для работников на продолжительность рабочей недели). Иными словами, граждане могут столкнуться с запретом на длительную работу для того, чтобы другие тоже могли получить возможность поработать и, соответственно, получить зарплату. Очевидно, что это полностью противоречит законам свободного рынка: предпринимателю нужны лучшие и эффективные работники, а от него будут требовать обеспечения занятости для как можно большего числа людей с учетом гендерного и национального равенства и отказа от других видов социальной дискриминации.

Новый запрос на борьбу с так называемым структурным насилием, в том числе проявившийся этим летом в движении «Black Lives Matters», напрямую касается бизнеса. Например, возникает требование увеличения количества женщин в органах управления компаниями, а также представителей национальных и других меньшинств. Согласно взглядам сторонников структурного насилия экономическое неравенство дополняется, а зачастую и детерминируется неравенством в социальных правах; ряд социальных групп (этнических, религиозных, гендерных и т.д.) находятся в заведомо неравном положении, их интересы подавляются доминирующей культурой и сложившимися установками. Соответственно, эти группы наделяются «правом на признание». В случае с BLM речь идет о борьбе с так называемым «белым превосходством» — люди с белым цветом кожи обвиняются в том, что они доминируют в экономике именно благодаря сложившейся в обществе дискриминации (наиболее остро этот дискурс ведется в США). Соответственно, население США с другим цветом кожи наделяется правом на «исправление» этой ситуации, в том числе, и в самых радикальных формах. Например, в 2020 г. фактически были идеологически легализованы погромы магазинов по мотивам расовой дискриминации: погромщиков называют «лутерами» (от англ. looting — грабеж), и это слово предполагает понимание разграбления магазинов во время протестных акций (лутинга) как исторически обоснованного способа борьбы с превосходством белых американцев. Самому

слову «лутинг» несколько лет сознательно создавалась позитивная репутация — общество «учили» воспринимать его как глагол именно с позитивным значением [3]. Парадоксальным образом не только многие лидеры общественного мнения, но и крупные компании де-факто признали право на мародерство. Глава Apple Тим Кук и многие его коллеги из крупного бизнеса прямо говорили, что не осуждают мародеров, воровавших материальные ценности из магазинов.

Борьба со структурным насилием формирует и требования к изменению поведения бизнеса. Он должен становиться более чувствительным к «дискриминируемым группам» в своей маркетинговой и кадровой политике, да и в целом сделать элиминирование дискриминаций важной частью своей активности. Совет директоров NASDAQ — биржи, торгующей акциями ведущих корпораций — принял решение о делистинге компаний, в совет директоров которых не входит хотя бы одна женщина и хотя бы один представитель «недостаточно представленных меньшинств» (<https://www.interfax.ru/world/739498>).

Таким образом, мы видим, как технически прогресс «вооружил» и государство, и гражданское общество. Но какая тенденция возьмет верх — цифровой авторитаризм или цифровая полиархия? Этот вопрос и является для нас ключевым. Коронавирус внес дополнительную интригу и в это противостояние.

Самоорганизации граждан оказалось недостаточно для того, чтобы справиться с такой задачей, как локализация коронавируса. Происходит исчезновение иллюзий. И поэтому, если в последние годы в западной общественной мысли очень активно развивались теории микровласти гражданской самоорганизации, соуправления и публичного государственного руководства (public governance) и даже государства как сетевой структуры, координирующей горизонтальные структуры гражданского самоуправления, то теперь виден тренд на сомнения в эффективности демократии участия [4], который будет только усиливаться. Технически граждане получили возможность для участия и в принятии решений, и в распределении бюджетных ресурсов, но эффективность этого процесса начинает ставиться под сомнение. И коронавирус делает споры об эффективности сетевого общества еще более масштабными. Тем более, что демократия участия была задачей про справедливое распределение ресурсов, но теперь пандемия и экономический

кризис сильно сократят объем располагаемых и распределяемых ресурсов.

Коронавирус — серьезный вызов идее uber-государства, «вызываемого» для решения локальных вопросов. Если «пользоваться» им только время от времени, то рассчитывать на успешную подготовку к катастрофам уровня пандемии будет затруднительно. Потому что ответить на такое развитие событий можно лишь при должном развитии медицины, вирусологии, цифровизации государственных институтов.

Значимым сюжетом остается запрос на справедливость и борьбу со структурным насилием, которую должно организовать государство. Правда, здесь возникает новая серьезная проблема: борьба с насилием все чаще сама становится формой насилия, а требования элиминировать дискриминацию превращаются в новые формы дискриминации. Просто социальные группы, обвиняемые в использовании структурного насилия в прошлом, теперь сами становятся его жертвами.

Однако в спорах между цифровой полиархией и цифровым авторитаризмом не стоит забывать и третий путь. Его можно назвать «цифровой анархией». Речь уже идет не о формировании нового гражданского общества, а о хаотизации политической жизни, опять же, при помощи современных технологий. Современные сетевые движения ста-

вят задачу не столько контролировать государство, сколько организовывать протесты и беспорядки. Человек становится объектом беспрецедентных информационных манипуляций. Генерацию фейковых новостей можно осуществлять уже в прямом смысле в домашних условиях. Появились специальные технические решения — генераторы фейковых новостей Deepfake, конструкторы Telegram-ботов и другие легкодоступные новинки. Обработанного таким образом человека гораздо легче вовлечь в протестную активность. Кроме того, на наших глазах радикально меняются избирательные технологии. Таргетированные манипуляции, так называемые data-driven campaign, компьютерное психотипирование и психометрия позволяют одерживать победу на выборах самым неожиданным политикам. Это становится вызовом как государству, так и обществу и работает на хаотизацию политики, которая, правда, порождает запрос на возвращение к доминированию сильных политических структур, снова закручивая спираль общественного развития. Таким образом, в каждой стране остаются пока открытыми вопросы: в какую сторону технологии будут смещать политическое развитие? возобладает ли курс на цифровую полиархию? возьмет ли верх новый авторитаризм, или же тенденции новой анархии будут становиться все сильнее?

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Seligman A. The Idea of Civil Society. N.Y.: Free Press; 1992.
2. Миклашевская А. Интернет оказался под PRISMой спецслужб. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2207917>.
Miklashevskaya A. The Internet was under the PRISM of special services. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2207917>. (In Russ.).
3. Osterweil V. In Defense of Looting. The New Inquiry. URL: <https://thenewinquiry.com/in-defense-of-looting>.
4. Parvin P. Democracy Without Participation: A New Politics for a Disengaged Era. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s11158-017-9382-1.pdf>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Константин Васильевич Симонов — кандидат политических наук, профессор, директор Департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
KVSimonov@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Konstantin V. Simonov — Cand. Sci. (Political Sciences), Professor, Director of the Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
KVSimonov@fa.ru

Статья поступила 10.11.2020; принята к публикации 30.11.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.11.2020; accepted for publication on 30.11.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.